

Павел
Амнуэль

9
РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА

Расследования Бориса Берковича

Павел Амнуэль

**Расследования
Берковича 9 (сборник)**

«Остеон-Групп»

2014

Амнуэль П. Р.

Расследования Берковича 9 (сборник) / П. Р. Амнуэль —
«Остеон-Групп» , 2014 — (Расследования Бориса Берковича)

ISBN 978-5-85689-201-6

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П.Амнуэль немало сделал и на ниве детектива. В течение четырех лет в газете «Вести-Иерусалим» печатался цикл детективных рассказов «Расследования Бориса Берковича», число которых выросло до 200.

ISBN 978-5-85689-201-6

© Амнуэль П. Р., 2014
© «Остеон-Групп» , 2014

Содержание

Смерть президента	6
Убийство из ревности	10
Убийство в офисе	13
Я убил, арестуйте меня!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Павел Амнуэль

Расследования Берковича 9

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

Смерть президента

Давид Криман потерял сознание, возвращаясь домой с работы. Он уже несколько дней чувствовал себя плохо, даже к врачу обращался. «Ничего особенного, – сказал врач. – Переутомление, скорее всего».

Криман работал сейчас не больше, чем обычно. Даже меньше, поскольку фирма встала наконец на ноги, начала возвращать долги, и можно было чуть расслабиться. Но все равно работы, конечно, хватало. Усталость? Может быть, медицине виднее.

На следующий день после визита к врачу Криман почувствовал необычайную слабость. Он сидел в это время за рулем и на скорости сто километров в час мчался из Тель-Авива в Иерусалим. Первой мыслью было: «Сейчас врежусь!». Но он все-таки сумел снизить скорость и... А дальше был провал, очнулся Криман на больничной койке и от врачей узнал, что сумел остановить машину на обочине, прежде чем вырубился окончательно.

Больничные эскулапы, как и семейный врач, утверждали, что причиной слабости стало переутомление. Нужно неделю полежать, а потом не позволять себе утомительных нагрузок. Впрочем, утверждали они это ровно сутки, пока состояние Давида Кримана, президента компании «Скайтоп», оставалось более или менее стабильным. В ночь на четверг наступило резкое ухудшение, давление упало, больной потерял сознание, и еще несколько минут спустя наступила смерть. Тело отправили на вскрытие, поскольку у врачей возникли разногласия относительно непосредственной причины смерти. А в одиннадцать в холле больницы появилась полиция, и молодой старший сержант попросил Мири Криман, вдову президента «Скайтопа», пройти в кабинет главврача и ответить на несколько вопросов.

– Что происходит? – нервно спросила вдова. – Почему полиция? Почему умер мой муж? Что с ним сделали врачи?

– Садитесь, пожалуйста, – предложил женщине старший сержант. – Моя фамилия Беркович, я буду вести это дело.

– Какое дело?

– Патологоанатомическое исследование показало, – сообщил Беркович, – что Давид Криман умер от смертельной дозы препарата под названием вельмотропин.

– Я говорила ему! – вскричала Мири Криман.

– О чем вы говорили своему мужу? – спросил Беркович.

– Он перессорился со всеми! Ради фирмы готов был отвернуться от лучшего друга! Это они ему отомстили!

– Пожалуйста, – сказал Беркович, – если у вас есть подозрения относительно конкретных людей, сообщите их имена. Дело, видите ли, в том, что вельмотропин – яд весьма специфический. Во-первых, действует он только если попадает в кровь. Однако следов инъекций на теле вашего мужа не обнаружено. Возможно проникновение в кровь через желудочно-кишечный тракт... Иными словами, он должен был выпить или съесть что-то, содержащее яд. На деле это, однако, тоже невозможно, потому что вещество это ужасно горькое. Достаточно одного миллиграмма на литр воды, и горечь окажется такой, что пить будет совершенно невозможно. Единственный способ ввести яд – дать его в капсулах. Вот я и хочу вас спросить: какие препараты принимал ваш муж в последнее время?

– Врач в больничной кассе прописал Дуду успокоительное...

– Нет-нет, – Беркович покачал головой, – это безвредное лекарство, оно не в капсулах, а в виде сиропа.

– Ну да, это я и хотела сказать.

– А в капсулах ваш муж ничего не принимал?

– Нет, – твердо сказала Мири. – Медициной в доме занимаюсь я. Я бы знала.

– Понятно... Но все-таки я бы хотел лично убедиться в том, что в вашей квартире нет никаких препаратов в виде капсул.

– Есть, конечно, – возразила Мири. – Я принимаю от бессонницы. В аптечке есть кое-что от простуды.

– Эти препараты нужно передать на исследование.

– Да, – рассеянно сказала Мири и неожиданно сорвалась на крик: – Что вы себе позволяете? Вы считаете, что я... Я бы первая отравилась, если бы в снотворном был яд! А простуды у Дуду не было – с чего бы ему пить лекарство?

– Успокойтесь, пожалуйста, – вздохнул Беркович. – Нам просто нужно убедиться... Если вы возражаете, я получу у прокурора ордер.

– Я не возражаю, – всплинула Мири. – Почему я должна возражать?

Чтобы избежать осложнений, Беркович все же получил ордер. В аптечке на кухне действительно оказалось три препарата в капсулах, в прикроватной тумбочке Мири Криман Беркович обнаружил упаковку снотворного – тоже капсулированного. И это было все. Старший сержант отправил препараты на экспертизу, но про себя решил, что это бесполезно – похоже, что Мири сказала правду, и яд нужно искать в другом месте.

В каком? Есть еще кабинет Давида Кримана в офисе фирмы «Скайтоп», но если хозяина убил кто-то из сотрудников, он скорее всего забрал упаковку. Впрочем, все это было чрезвычайно маловероятно. Почему Криман принимал лекарство на работе, а не дома? Почему жена ничего не знала? Почему Криман вообще что-то принимал без рекомендации врача?

Сомнения Берковича оказались обоснованными – тщательный обыск в кабинете Кримана ничего не дал. К тому же выяснилось, что у гипотетического убийцы не было возможности выбросить упаковку лекарства и избавиться от улики. В кабинет Кримана в его отсутствие не мог войти никто – второй ключ был только у менеджера Эли Тамира, а он третью неделю находился в Соединенных Штатах. На вопрос, заданный по телефону, Тамир ответил, что ключ от кабинета у него с собой.

Допросы сотрудников фирмы Беркович проводил в кабинете главного технолога компании Оскара Ноймана, человека мрачного, на вопросы отвечавшего односложно, но четко и однозначно. За день перед глазами старшего сержанта прошла длинная череда мужчин и женщин, испуганных, взволнованных, равнодушных, спокойных, углубленных в себя и готовых поднять крик при любом намеке на возможную причастность к убийству. Беркович был почти убежден в том, что среди этих людей находился убийца, но конкретных подозрений у него не было. А вопросы остались. Куда делась коробочка с капсулами? Ясно, что, глотая их, Криман хотел от чего-то излечиться, а вовсе не покончить с собой. Значит, нужно было попытаться понять: что за болезнь он в себе нашел, которой не хотел делиться с женой и даже с семейным врачом?

Что-нибудь по мужской части? Может, у Кримана была любовница, наградившая его венерическим заболеванием, и он не хотел... Чушь. Патологоанатомическая экспертиза показала, что Криман был здоровым человеком и умер от яда, проникшего в кровь. И к тому же, откуда неведомый убийца мог знать о тайной болезни, чтобы суметь подменить капсулы? Нет, все это ерунда.

Но именно потому, что Криман в последнее время нигде не бывал, кроме дома и работы, искать убийцу следовало в фирме. Беркович приходил в офис «Скайтопа» ежедневно и проводил здесь несколько часов, разговаривая с людьми и пытаясь вычислить недоброжелателя, у которого была возможность подсунуть хозяину коробочку с ядовитыми капсулами. И не просто подсунуть, но еще и уговорить его проглотить несколько штук.

Дня через четыре после начала расследования, так и не продвинувшегося ни на шаг, Беркович сидел в приемной Кримана и мрачно перебирал листы протоколов. В открытую дверь

заглянула уборщица, женщина лет пятидесяти, сухая, как трость – Беркович уже перестал удивляться тому, как она при такой комплекции управляет с тяжелыми ведрами.

– Вы еще долго? – грубовато сказала уборщица. – Мне здесь пол вымыть нужно, вечер уже.

– Сейчас, Тирца, – пробормотал Беркович.

– А в кабинете мне дадут убрать? – осведомилась Тирца, принимаясь за работу. – Там уже неделю пыль копится.

– Как только закончим расследование, – сказал Беркович, поднимаясь.

– А в туалете убрать? – продолжала Тирца.

– В туалете? – не понял Беркович. Туалет находился в конце коридора, и старший сержант несколько раз видел, как Тирца убирала это и без того блестящее кафелем заведение.

– В туалете хозяина, – пояснила женщина, показывая на дверцу в дальнем конце приемной.

– Ах, это, – кивнул Беркович. – Я думал, что вы здесь убираете каждый день. Как-то хотел попросить у вас ключи, а то в конец коридора ходить далековато...

– Какие ключи? – удивилась Тирца. – Это личный туалет господина Кримана, и ключи он носил с собой на общей связке.

– У уборщиков нет ключа от туалета? – в свою очередь удивился старший сержант. – Это ведь не сейф, а убирать нужно ежедневно.

– Ну да, – согласилась Тирца. – Только к туалетной комнате и к кабинету подходит один ключ, вот хозяин и не хотел...

– А, понятно, – кивнул Беркович. – Вы хотите сказать, что ключом от кабинета я мог и туалет открыть и не бегать за сто метров...

– Конечно.

Досадуя на собственную недогадливость, Беркович протянул Тирце ключ и принялся складывать бумаги в папку. Краем глаза он видел, как Тирца помыла пол, поменяла туалетную бумагу, заперла дверь.

– Вот ключ, – сказала она. – Так я могу начать здесь уборку?

– Ухожу, – сказал Беркович, думая о том, что упустил какую-то мелочь. Ему было знакомо это ощущение: вроде бы ничего не произошло, и в то же время произошло нечто очень важное. Что именно?

– Послушайте, Тирца, – сказал он. – А почему вы буиагу-то заменили? Рулон почти целый, жалко выбрасывать.

– Не знаю... Сказали поменять, я и поменяла.

– Кто сказал?

– Ну кто... Яир и сказал.

Яиром звали мужчину, который был тут главным среди уборщиков и прочей obsługi.

Еще не вполне понимая, зачем это делает, Беркович протянул руку и забрал у Тирцы рулон бумаги.

– Эй, – сказала она, – Яир велел бумагу вернуть, у него отчетность.

– Обойдется, – сказал Беркович. – Сам ему верну... завтра.

Мысль, пришедшая в голову, была простой и легко проверяемой. Из офиса Беркович отправился в управление, и уже час спустя эксперт Рон Хан вынес свое заключение:

– Бумага пропитана этим чертовым вельмогтропином! Достаточно несколько раз попользоваться ею, и – все. В слизистой оболочке кишечника множество кровеносных сосудов, яд впитывается моментально. Кстати, ты знаешь, что бывшего шефа ФБР Гувера отравили точно таким же способом? Только яд был другим... А кто это сделал?

– Некий Яир Бен-Закай, – сообщил Беркович. – И не своими руками, кстати. Попросил уборщицу заменить бумагу. А кроме Кримана никто этим туалетом не пользовался.

– Ловкач! – присвистнул Хан. – Но зачем ему это было нужно?

– Пока не знаю, – сказал Беркович. – Деньги здесь вряд ли участвуют, ревность тоже... Ничего, разберусь.

Чтобы разобраться, ему потребовалось несколько часов. Бен-Закай, узнав от Тирцы, что полиция забрала злополучный рулон, попытался скрыться из Тель-Авива, и его задержала дорожная полиция на одной из улиц Петах-Тиквы.

– Ты знаешь, почему он это сделал? – спросил Беркович у своей жены Наташи, рассказав ей историю отравления бедняги Кримана. – Зависть! Вот чувство, которое бывает посильнее ревности. Почему Криману все время везло, а Бен-Закаю – никогда? Они, оказывается, учились в одном классе, и зависть к успехам соседа по парте одолевала Бен-Закаю еще в те годы...

– Многие люди друг другу завидуют, – сказала Наташа, – но разве из-за этого убивают?

– Так ведь и ревнуют многие, – возразил Беркович, – а до убийства дело доходит не так уж часто...

Убийство из ревности

О выстрелах в квартире Мирьям Лившиц сообщила в полицию соседка по имени Захава. Патрульная машина оказалась на месте три минуты спустя. Дверь в шестую квартиру, расположенную на втором этаже, была закрыта изнутри, и оттуда не доносилось ни звука. Собравшиеся на шум соседи, в числе которых была и Захава, оказавшаяся щуплой старушкой лет семидесяти пяти, высказывали самые мрачные предположения.

– Она живет одна, – сообщила все та же Захава сержанту Соломону. – Друг у нее есть, часто ночевать остается, но жениться, видимо, не хочет. А женщина она собой видная, говорят, даже какой-то королевой была.

– Она в конкурсе красоты участвовала, – сказала другая соседка. – Правда, приз не взяла, но после того конкурса работала манекенщицей. А может, и сейчас работает, не знаю.

– Будем ломать? – спросил у сержанта патрульный полицейский после безуспешных попыток вскрыть дверь с помощью слесарных приспособлений.

– Сломаешь ее, как же... – мрачно сказал Соломон. – Автогеном разве что.

– Попробуем через окно, – решил он наконец. – Второй этаж, невысоко. Есть у кого-нибудь лестница?

Лестницы не нашлось, вызвали машину с подъемным устройством. На все это ушло немалое время, и в квартиру сержант Соломон попал лишь минут сорок спустя. Прежде всего он открыл щеколду и впустил полицейский наряд, а перед соседями захлопнул дверь, сказав, впрочем, чтобы не расходились, потому что нужно будет с каждого снять показания.

В салоне метрах в двух друг от друга лежали два тела. Хозяйка квартиры, двадцатитрех-летняя красавица, смотрела в потолок широко раскрытыми безжизненными глазами, левая сторона блузки была пропитана кровью. Второе тело принадлежало мужчине лет тридцати, и склонившись над ним, Соломон понял, что он жив.

– Скорую! – скомандовал он.

Заодно вызвали бригаду из управления. Одновременно с медиками приехали старший сержант Беркович, эксперт-криминалист Хан и трое сотрудников следственного отдела.

Сначала увезли раненого. На полу остался очерченный мелом контур тела и лужица крови. Пистолет был обнаружен Берковичем под стулом, стоявшим в метре от тела мужчины. Эксперт Хан осторожно поднял оружие и положил в пластиковый мешочек.

Мирьям лежала возле дивана, кровью была залита цветная накидка – похоже было, что она в момент выстрела сидела, а потом попыталась встать, но ей это не удалось, и женщина скатилась на пол.

– Опять эти любовные разборки, – пробормотал Хан.

– Ты говоришь, будто никогда не любил, – усмехнулся Беркович.

– Так, чтобы убить женщину, а потом наложить на себя руки? Нет, Бог миловал.

– На вешалке кожаная куртка, – сообщил сержант Соломон. – Наверное, принадлежала гостю.

В боковом кармане куртки Беркович обнаружил водительские права на имя Теодора Клинкера.

– Посмотри на улице, – сказал Беркович сержанту Соломону. – Там должна быть его машина. Вот номер.

Сержант вышел, а эксперт, закончив работу с телом убитой, сказал:

– Похоже, она действительно сидела, когда он в нее выстрелил. Пуля вошла сверху и, скорее всего, задела сердце.

– Следов насилия нет, – констатировал Беркович. – В комнате все на своих местах, они и не думали драться или швырять друг в друга предметы мебели.

– Похоже, что так, – согласился эксперт. – Но чтобы вывести мужчину из себя, не обязательно бросать в него вазой или утюгом.

– Знаешь по собственному опыту? – хмыкнул Беркович. – Ладно, не обижайся.

После отъезда эксперта старший сержант приступил к опросу свидетелей. Отсеяв очевидные глупости, Беркович составил для себя более или менее, как ему казалось, объективное описание характера хозяйки квартиры.

Мирьям жила в этом доме три года – после того, как отец, строительный подрядчик, купил ей здесь квартиру. Как раз тогда Мирьям едва не победила в конкурсе красоты и получила лестные предложения от рекламных агентств и домов моделей. Начала работать манекенщицей, появились мужчины. Сначала приходил некий тип в летах. Через несколько месяцев появился молодой парень по имени Гай, а еще год спустя Гая сменил этот Теодор – мужчина солидный и, похоже, с серьезными намерениями. В последнее время только Теодор Мирьям и посещал – не считая родителей, конечно, которые бывали довольно часто.

Составив протокол и отослав свидетелей, не желавших расходиться, Беркович позвонил в больницу и услышал, что операция еще продолжается, но опасности для здоровья самоубийцы нет, пуля задела легкое, но прошла довольно далеко от сердца.

Беркович вернулся в управление, занес в компьютер данные о проведенном расследовании и спустился в лабораторию Хана. Эксперт только что закончил патологоанатомическую процедуру и был, как обычно в таких случаях, сосредоточен и говорил короткими фразами.

– Как я и думал, – сказал он. – Пуля вошла под углом сверху. Никаких следов насилия, в том числе сексуального. Интимных контактов сегодня не имела. В общем, картина ясная. Этот ревнивый дурак выстрелил в нее, а потом в себя. Обычная картина.

– Не совсем... – протянул Беркович.

– А что необычного? – удивился эксперт.

– То, что самоубийца жив, – пояснил старший сержант. – Если он хотел покончить с собой, почему не стрелял в голову?

– Не хочешь же ты сказать, что там был кто-то третий! Пальцевые следы на пистолете принадлежат Клинкеру, других следов нет, да и зарегистрировано оружие на его имя. Есть и следы пороховой гари на рубашке Клинкера – стрелял он в упор. Что тебя смущает?

– В кого он стрелял сначала – в женщину или в себя?

– В Мирьям, естественно, да и какая разница?

– Большая, Рон. Когда Клинкер поправится, его будут судить за убийство. И потому вопрос, который я задал, приобретает принципиальное значение. Если он стрелял сначала в Мирьям, а потом в себя, – значит, имело место убийство, пусть и в состоянии аффекта. А если он решил покончить с собой на глазах любимой женщины? Выстрелил себе в грудь, а дальше уже ничего не соображал. Тогда и убийство будет квалифицировано иначе, и срок окажется пустяковым.

– Хорошо, – сказал эксперт после раздумья. – Похоже, ты прав. Но сейчас черта с два докажешь, что сделал Клинкер раньше – в себя выстрелил или в Мирьям. Один выход: допросить парня, как только он придет в себя.

– Да? Он может сказать правду, а может соврать.

– Будет он врать, едва отойдя от наркоза!

– Согласен. Допустим, он скажет: «Я стрелял в Мирьям, а потом в себя». И что? Когда делом займется адвокат Клинкера, он первым делом уговорит своего подзащитного изменить показания. Был, мол, под наркозом, плохо соображал. Есть возражения?

– Нет, – подумав, сказал Хан. – И что ты намерен предпринять?

Беркович не ответил.

Вторую половину дня он провел в доме, где жила убитая, расспрашивал соседей, а под вечер задал несколько вопросов родителям Клинкера. Беркович хотел разобраться в при-

чине ссоры, и единственной разумной гипотезой, как и следовало ожидать, была ревность. У Мирьям появился другой мужчина. К себе она его не приводила, видимо, знала крутой нрав любовника. Но разве можно что бы то ни было скрыть в такой маленькой стране, как Израиль? Мирьям видели с одним из манекенщиков фирмы, где она работала, – в Дизенгоф-центре они ели мороженое, в Гейхал-а-тарбут слушали музыку, кто-то даже засек их на пляже, там, где почти нет купающихся. Что было дальше – легко догадаться.

Из разговоров Беркович представил себе характер Теодора Клинкера – порывистый, крутой, себялюбивый. Приступы бешенства. Возражений не терпел. Женщин считал существами низшего порядка. Если женщина принадлежит мужчине, измена исключается полностью. Что ж, такой человек вполне мог, выйдя из себя, убить изменницу. Но он не стал бы стреляться! Пожизненное заключение за убийство – это все-таки жизнь, которую Клинкер слишком любил, чтобы расстаться с ней из-за чьей бы то ни было измены.

Но все-таки он пытался покончить с собой – никаких сомнений быть не могло. Кроме Теодора и Мирьям, в квартире никого не было. Дверь закрыта на задвижку. Окно закрыто и заперто. У манекенщика, нового друга Мирьям, надежное алиби – когда произошла трагедия, он находился в Эйлате на демонстрации мод.

По идее, Теодор должен был, убив Мирьям, позвонить в полицию – это было бы вполне в его характере. Почему он выстрелил в себя?

Когда уже стемнело, Беркович вернулся в квартиру убитой и принялся ходить по комнате, пытаясь воссоздать картину произошедшего. Наклонившись, старший сержант принялся внимательно рассматривать место, где лежал пистолет, пытаясь определить траекторию его падения. Что-то светлое лежало под диваном – увидеть этот предмет можно было только если низко наклониться и смотреть под определенным углом. Беркович потянулся и двумя пальцами вытащил бумажную салфетку. Он уже собирался бросить ее на стол, но, передумав, начал вертеть бумагу в руках.

Неожиданная мысль пришла ему в голову, и Беркович, достав из кармана сотовый телефон, набрал номер эксперта.

– Ты еще у себя? – спросил старший сержант. – Я сейчас приеду. Есть дело.

... Час спустя, когда изучение салфетки было в первом приближении закончено, Хан сказал Берковичу:

– Пальцевые следы убитой, но это естественно – салфетка ведь из ее квартиры. Но вот что удивительно: бумага четко сохранила контур рукоятки пистолета. Мирьям держала оружие, обернув рукоять салфеткой. И я не понимаю...

– Ага! – воскликнул Беркович. – Мне тоже так показалось, но нужно было подтверждение. Чего ты не понимаешь? Стреляла Мирьям, вот что. Видимо, Теодор довел ее, и она решила его убить, а потом инсценировать самоубийство на почве ревности. То, что намерение было вполне обдуманное, я не сомневаюсь, иначе появление салфетки не объяснить. События развивались так. Теодор обычно ходил с оружием, пришел с ним и на это свидание. Как обычно, вытащил пистолет из-за пояса – все так делают, верно? – и положил на стол или тумбочку. Когда он отвернулся, Мирьям выстрелила. Но ведь она не прирожденная убийца и, к тому же, женщина. От вида крови и шатавшегося Теодора она пришла в ужас, а он все не терял сознания. Не знаю, отнял ли Теодор пистолет у Мирьям, или она уронила его, а он поднял. Скорее первое. Мирьям опустилась на диван, ногой случайно затолкнув салфетку так, что ее трудно было увидеть. Теодор выстрелил, пистолет выпал из его руки и оказался под стулом... Вот и все.

– Черт, – сказал Хан. – А ведь если бы эта салфетка не нашлась...

– Теодору грозила бы тюрьма, – кивнул Беркович. – Иногда полезно заглядывать под диван. Учту на будущее.

Убийство в офисе

Старшего сержанта Берковича вызвали на работу в семь утра – у него был день отдыха, вставать не хотелось, в кои-то веки появилась возможность отоспаться, но телефон звонил не переставая, и пришлось поднять трубку.

– Здоров же ты спать, – сказал знакомый голос сержанта Соломона. – Извини, конечно, но, похоже, без тебя не обойдется.

– Что случилось? – спросил Беркович, стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить спавшую рядом Наташу.

– Убийство в офисе фирмы «Нефеш». Убит менеджер фирмы Гай Лискер. Звоню с места преступления. Жду тебя – шеф распорядился, чтобы расследование провел ты.

– Благодарю за доверие, – вздохнул Беркович. – Говори адрес...

Офис компании «Нефеш», занимавшейся разработкой дизайна интернетовских страниц, находился на третьем этаже девятиэтажного административного здания на набережной Яркон. День был субботний, и в здании, по идее, никого быть не могло. Сержанта Соломона Беркович нашел в комнатке ночного сторожа на первом этаже сразу за входной дверью. Сторож, молодой человек лет двадцати пяти, сидел на диванчике и раскачивался, как на молитве.

– Убийца проник в здание совершенно элементарно, – сказал Соломон, – этот тип по имени Арон Шехтман, который называется сторожем, даже не потрудился запереть дверь...

– Я выходил подышать воздухом, – пробормотал парень.

– В такую жару! – закатил глаза сержант. – Короче говоря, его сбили с ног и связали. Потом убийца поднялся на третий этаж и застрелил Лискера. Пистолет лежит в метре от труп, там уже работает Рон.

– Вы можете описать нападавшего? – обратился Беркович к Шехтману.

– Конечно! – воскликнул сторож, перестав раскачиваться. – Их двое было. Один с пистолетом, высокий, с усами, в майке с надписью «Бейтар», другой низкий, плотный, в серой рубаше. Оба молодые, лет по тридцать, по-моему.

– У вас есть оружие?

– Да, но я его и достать не успел! Который низкий – он меня обхватил, а ручки у него ого-го...

– Они пошуровали немного, – заметил Соломон. – Видно, не сумели сдержаться.

Беркович оглядел каморку – никаких следов погрома не наблюдалось.

– Тут блок «Кэмел» лежал, – нехотя пояснил Шехтман, кивая на тумбочку, – так они его прихватили. И еще игровую приставку к телевизору, я сыну купил, хотел сюрприз сделать...

– А кто полицию известил, если сторож был связан? – поинтересовался Беркович у Соломона.

– Прохожий, религиозный человек, – объяснил сержант. – Шел мимо в синагогу, увидел, что дверь не заперта, удивился...

– И нарушил субботу, – усмехнулся Беркович.

– Нет, по телефону он звонить не стал, но вошел, увидел связанного, развязал, а тот уж сам вызвал полицию.

– Я поднимусь наверх, а ты займись протоколом, – сказал Беркович.

Гай Лискер лежал на полу в своем кабинете, пуля попала ему в лоб. Эксперт Рон Хан, стоя у окна, наблюдал за тем, как полицейские фотографии фиксируют на пленке место преступления.

– Пальцевые следы на пистолете сохранились? – спросил Беркович, не ожидая, что ответ будет положительным.

– Нет, – покачал головой эксперт. – Преступник убил клиента наповал, протер рукоятку пистолета и бросил оружие на пол. Других следов тоже нет. Чистая работа.

– Что Лискер делал в офисе в ночь на субботу? – сказал Беркович, ни к кому конкретно не обращаясь. Ответ все-таки прозвучал – подал голос мужчина средних лет, стоявший у журнального столика:

– Гай почти каждый день до полуночи задерживался, жены у него не было...

– Познакомься, Борис, – сказал эксперт, – это Рафи Гольдштейн, исполнительный директор «Нефеша».

– А сами вы когда ушли с работы? – спросил Беркович.

– Рано, часа в два... Вечером говорил с Гаем по телефону, все было в порядке. Это было часов в десять...

– Смерть последовала между десятью и полуночью, – заметил эксперт.

– Понятно, – рассеянно отозвался Беркович. – Тебе не кажется странным...

– Что? – насторожился Хан.

– Как убийцы попали в кабинет.

– Поднялись на лифте или по лестнице...

– Не так просто, – покачал головой Беркович. – Я знаю, как организована система безопасности в таких зданиях. Сторож сидит внизу, он может с пульта блокировать движение лифта. Кроме того, на ночь запираются на электронный замок двери на лестничных клетках. Если кто-то хочет подняться, он должен либо сделать это вместе со сторожем, а это было невозможно, поскольку сторожа связали, либо позвонить на этаж, и если там кто-нибудь есть, он откроет дверь... Сложная система, но зато избавляет от случайностей. Я правильно говорю? – обратился Беркович к внимательно слушавшему Гольдштейну.

– Точно так, – кивнул тот. – Получается, что убийца был Лискеру знаком!

– Вот именно. Менеджер открыл дверь, встал навстречу гостю и получил пулю в лоб.

– Пожалуй, – кивнул Хан.

– Тогда вопрос к вам, – повернулся Беркович к Гольдштейну. – Предположим, что убийцы – стрелял один, но на самом деле, судя по рассказу сторожа, их было двое – были хорошо знакомы с Лискером. Тогда и вы могли их знать. Один был высокого роста, усатый...

Выслушав пересказанное Берковичем со слов Шехтмана описание, Гольдштейн покачал головой.

– Не было у Гая таких знакомых и быть не могло, – отрезал он. – С людьми подобного типа он не знал.

– Действительно, Борис, – вступил в разговор Рон Хан. – Судя по твоему описанию, это скорее базарные торговцы, чем интеллектуалы.

– Кто знает, с кем общался Лискер во внеслужебное время, – пожал плечами Беркович, не будучи уверен в своих словах. – Возможно, свел знакомство с криминальными элементами...

Он не стал развивать свою мысль, встретив иронический взгляд Гольдштейна.

– Есть еще одна странность, – сказал старший сержант. – Совершив убийство, эти двое не стали сразу делать ноги, а вернулись в комнату сторожа. Возможно, хотели проверить, крепко ли он связан. И прихватили с собой блок «Кэмел» и игровую приставку к телевизору.

– Но это вообще бред! – воскликнул Хан. – Честно говоря, я не понимаю даже того, почему они оставили этого дурака-сторожа в живых. Специально для того, чтобы он мог их описать полиции?

– Да-да, – закивал Гольдштейн. – Это нелогично. По-моему, сторож никого на самом деле не видел и все выдумывает. Двинули ему по голове, ничего он не помнит, но не хочет выглядеть в глазах полиции полным болваном и трусом, вот и придумывает.

– Нет, – покачал головой Беркович. – Никто Шехтмана по голове не бил, нет у него на темени ни шишки, ни кровоподтека. Он был в полном сознании.

– Знаете что я думаю? – нерешительно сказал Гольдштейн. – Надо бы проверить этого Шехтмана. Вам не кажется, что он сам впустил убийцу в здание? Может, ему заплатили? Он их впустил, а потом они его связали, чтобы полиция не подумала чего-то дурного. Он и двери на этаж для убийцы разблокировал!

– Да, это очевидно, – согласился Беркович. – Вот только доказать факт сговора трудновато. Понятно, что и описания бандитов тоже вымышлены, слишком уж они карикатурны. Но это слова. Надо иметь что-то более существенное, чтобы прижать сторожа и заставить сознаться.

– Один момент, – сказал эксперт. – Вы забыли о том, что Лискер был знаком с убийцей. Если принять версию о том, что преступники подкупили сторожа, то откуда Лискер мог знать того, кто вошел к нему в кабинет?

– Почему же... – задумчиво проговорил Беркович. – Люди, знавшие Лискера, решили свести с ним счеты, подкупили сторожа, поднялись на этаж...

– Не могли найти более простого способа? – удивился Хан. – Подкараулить на улице, например! Зачем им лишний свидетель?

– И зачем они, кроме убийства, еще и на грабеж пошли? Я все думаю об этом блоке сигарет и игровой приставке...

– Да, – согласился эксперт. – Преступники вели себя совершенно нелогично.

– Или мы пока не можем понять их логики, – возразил Беркович.

– Я бы на вашем месте крепко прижал сторожа, – сказал Гольдштейн. – Он наверняка соучастник.

– Я бы тоже так думал, – вздохнул Беркович, – если бы не блок «Кэмел».

– А почему этот блок сбивает тебя с толку? – спросил Хан.

– Зачем сторож о нем вообще упомянул? Ну, допустим, его приятели не удержались... Хотя, согласитесь, логики здесь ни малейшей. Но даже если все так и было, к чему было Шехтману сообщать о пропаже?

– А может, и пропажи не было? – усомнился Хан. – Может, он просто на ложный след наводит?

– Возможно. Только вот на какой?... Ты уже закончил здесь? – спросил Беркович у эксперта.

– Да. Никаких следов. Собственно, этого и следовало ожидать: убийца стрелял с порога, ни до чего не дотрагивался. Одна улика – пистолет, но и он, скорее всего, до убийцы не доведет, иначе оружие не бросили бы.

– Сторож наверняка все знает, – убежденно повторил Гольдштейн. – Займитесь этим типом!

– Непременно, – кивнул Беркович и вышел в коридор.

Он, конечно, собирался еще расспросить Шехтмана, но совсем не о том, о чем говорил Гольдштейн. Берковичу не давали покоя блок сигарет и игровая приставка. Это ведь даже не смешно, господа – совершить хладнокровное убийство, а затем – мелкое воровство. Будто речь шла о двух независимых преступлениях...

Когда старший сержант вернулся в комнату сторожа, Шехтман сидел на диване и о чем-то увлеченно рассказывал Соломону, закончившему заполнять протокол. «Как он быстро пришел в себя», – подумал Беркович.

– Сколько вы им заплатили? – спросил старший сержант, и сторож оборвал рассказ на полуслове.

– Кому? – напряженно спросил он.

– Мальчишкам, – объяснил Беркович. – Только не врите, вы уже достаточно лапши повесили мне на уши. Вы ж понимаете, мальчишек найти будет достаточно просто, это ведь не мафиози, они тут обычно бегают, потому вы их и наняли.

– Не понимаю, – пробормотал Шехтман.

– Все вы прекрасно понимаете, – резко сказал Беркович. – Хотите расскажу, как было дело? У вас произошел какой-то конфликт с Лискером, и вы решили убить менеджера. Любой другой убийца подкараулил бы его на улице, а вам было проще сделать это здесь. Вы поднялись наверх и застрелили Лискера, а пистолет бросили. О том, где вы его взяли, я еще спрошу, ведь это не ваше оружие. Потом вы вышли на улицу, нашли двух ребят – тут неподалеку вечно какая-нибудь подростковая компания ошивается – и посулили награду. За что? За то, чтобы они вас хорошенько связали. Они так и сделали, а потом увидели сигареты и приставку... Взрослый не стал бы красть все это, согласитесь, а подросток...

– Глупости, – сказал сторож. – С чего бы мне убивать Лискера?

– Разберемся, – пожал плечами Беркович. – А ребят я вам предъявлю через час-другой. Думаю, больше времени поиск не займет.

Сержант Соломон увел Шехтмана, а Беркович присоединился в холле к спустившимся с этажа Гольдштейну и Хану.

– Какой негодяй! – возмутился Гольдштейн, выслушав рассказ старшего сержанта. Эксперт только головой покачал.

– Намучаешься ты еще с этими подростками, – сказал он. – Так они тебе эту приставку и выдадут.

– Да пусть себе оставят, – заключил Беркович. – Лишь бы правду сказали.

Я убил, арестуйте меня!

На улице плавился асфальт, и старший сержант Беркович весь день просидел в прохладном кабинете под струей холодного воздуха из кондиционера. К счастью, никаких происшествий, требовавших его присутствия, не происходило, и он занимался оформлением законченных дел, подготовкой материалов для передачи в прокуратуру и суд, отчетами и прочей канцелярщиной, которую Беркович обычно терпеть не мог, но сейчас занимался с удовольствием, лишь бы не вспоминать об уличной жаре.

Время от времени он звонил домой и справлялся у Дорит, приходящей няньки, как чувствует себя Арик. Вчера и всю прошедшую ночь малыш плакал, утром перед работой Наташа возила сына к врачу, но педиатр ничего существенного не нашел, дал какой-то препарат, и Арик действительно успокоился. Дорит утверждала, что мальчик нормально ест и почти все время спит – в общем, все нормально.

Похоже было, что день так и закончится без происшествий. Беркович уже собрался было выключать кондиционер и просить Соломона подвезти его домой на патрульной машине, как позвонил сам сержант – легок на помине! – и сообщил, что в дежурной комнате находится наркоман, который, похоже, плохо соображает что говорит. Но если он говорит правду, то не далее как несколько минут назад он задушил собственную жену, в чем и решил сознаться.

Беркович спустился в дежурную комнату, где обнаружил описанного Соломоном мужчину, сидевшего на скамье для посетителей.

– Типичный наркоман, – сказал Берковичу Соломон. – Посмотри на глаза.

– Может, он все сочиняет? – спросил старший сержант.

– Я поеду к нему домой, проверю. Но похоже, какая-то доля правды в его словах есть. Он, конечно, в эйфории, но не до такой же степени...

– Как ваша фамилия? – обратился Беркович к «преступнику».

– Беньямин! – воскликнул тот. – Сойфер! То есть, я Сойфер, а Беньямин – это мое имя. То есть, Сойфер – моя фамилия, а...

– Понятно, – перебил Беркович. – Вы утверждаете, что задушили жену? По какой причине?

– Задушил! Не помню почему! Мы подрались. Мы всегда деремся. Ничего не помню. Сначала подрались, а потом – отключился. Прихожу в себя – смотрю: Сара мертвая на полу лежит. Я ее толкаю – так она же мертвая, не отвечает! Ну тогда я понял, что сделал...

Беньямин Сойфер неожиданно разрыдался, все его тело затряслось – наступала реакция на принятие наркотика.

– Вот так это и бывает, – философски заметил Соломон. – Девяносто процентов убийств на бытовой почве происходят в семьях наркоманов.

– Поехали, – решил Беркович. – Отправь этого типа в камеру, пусть отлежится.

Адрес, который был записан у Сойфера в удостоверении личности, соответствовал району бедноты – по стечению обстоятельств район этот начинался почти сразу за зданием управления; по крайней мере стало понятно, почему убийца пришел сдаваться именно сюда, а не в другой полицейский участок.

Дом оказался старым трехэтажным строением времен британского мандата, узкая лестница, казалось, вот-вот обвалится. Квартира Сойфера находилась на втором этаже, дверь оказалась не запертой, и Беркович с Соломоном вошли в комнату, которую лишь при большом воображении можно было назвать салоном или гостиной. Мебели здесь почти не было, а та, что была, годилась скорее для свалки, чем для приличной квартиры. Правда, в углу около окна на относительно новой тумбочке стоял замечательный телевизор марки «Тошиба» с экраном в двадцать девять дюймов, и первой мыслью Берковича была уверенность в том, что этот пред-

мет домашнего обихода был Сойфером скорее всего украден. Мысль, конечно, могла оказаться совершенно неверной, а в следующую секунду Беркович и думать забыл о телевизоре – он увидел лежащее рядом со старым диваном тело молодой женщины.

Сара Сойфер лежала лицом вниз, у нее была короткая стрижка, и никаких следов удушения на шее жертвы Беркович не обнаружил – ни синяков, ни пальцевых следов, ничего. Похоже, что и шейные позвонки сломаны не было.

– Странно, – произнес сержант Соломон.

– Ага, ты тоже обратил внимание, – сказал Беркович. – Кажется, Сойфер действительно все придумал. Возможно, женщина просто без сознания. А ну-ка...

Мужчины наклонились, перевернули Сару на спину и одновременно присвистнули.

– Ничего себе! – воскликнул Соломон.

Было отчего прийти в недоумение: платье Сары Сойфер на груди было черным от крови, ножевая рана находилась чуть ниже левого соска, а на полу под трупом натекла кровь. Орудия преступления нигде видно не было.

– Вот мерзавец, – пробормотал Беркович. – Дожрался наркотиков до такой степени, что сам не помнит – задушил он собственную жену или зарезал.

– Не мог он ее зарезать, – неуверенно сказал Соломон.

– Почему ты так думаешь?

– Ты к нему близко не подходил, а я осмотрел внимательно, – объяснил сержант. – Вся его одежда совершенно чистая. Посмотри сколько крови. Если бы это была работа Сойфера, на одежде обязательно остались бы следы. И не в таком он был состоянии, чтобы перед приходом в полицию искупаться и переодеться. Да и зачем? Какой смысл? Если он убил, то не все ли равно – каким способом?

– Логично, – кивнул Беркович. – Хорошо, вызывай бригаду и экспертов, будем разбираться.

Ожидая Хана, Беркович внимательно осмотрел место преступления. В квартире царил кавардак, но из этого еще не следовало, что здесь происходила драка – возможно, так здесь было всегда, вряд ли супруги Сойфер следили за порядком. Ножа Беркович не нашел нигде – убийца наверняка унес его с собой и выбросил где-то по дороге. По дороге в полицию? Тогда есть шанс найти орудие преступления – до управления отсюда не так уж далеко, Сойфер наверняка шел пешком. Может, на допросе он и сам вспомнит, как на самом деле убил жену и куда швырнул окровавленный нож.

А как быть с утверждением Соломона о том, что Сойфер не мог зарезать жену? Рассуждение выглядело логичным, но его предстояло проверить, и Беркович, не дождавшись прибытия эксперта, решил вернуться в управление.

Войдя в кабинет, он попросил привести из камеры Сойфера, который, похоже, немного пришел в себя. Во всяком случае, он уже не дрожал и взгляд у него был вполне осмысленным. Сойфер сел на предложенный ему Берковичем стул и спросил:

– Сколько мне дадут?

– Это зависит от того, было убийство преднамеренным или нет, – объяснил старший сержант.

– Нет! – воскликнул Сойфер. – Я не хотел. Я вообще ничего не помню!

– Расскажите подробнее, – попросил Беркович. – Ваша жена тоже принимала наркотики? Вы поссорились? Почему?

– Она... Нет, она не принимала... А я... Без «экстази» уже не могу, знаю, что это... Но все равно... Потому и ссорились. Сара хотела от меня уйти. Я сказал, что если она это сделает, я ее найду и убью. Она стала на меня кричать... А дальше... Дальше не помню, как раз таблетка начала действовать. Потом смотрю – Сара мертвая...

– Вы ее трогали? – спросил Беркович. – Переворачивали?

- Нет! – взвизгнул Сойфер. – Не переворачивал!
- Она лежала лицом вверх?
- Нет, – сказал Сойфер. – Но я ее звал, кричал...
- Почему вы решили, что она мертва? Может, потеряла сознание? Или спала?
- Спала? Вы рехнулись? Простите, старший сержант... Я действительно ее потрогал... ногу... Холодная, как лед, как труп... Тогда я испугался...
- Понятно, – сказал Беркович. – Когда вы выходили из квартиры, почему не заперли дверь?
- Запер... Я не помню... Может, не запер. Вообще-то мы редко запираем, только на ночь...
- Зазвонил телефон. Беркович поднял трубку и услышал голос эксперта.
- Борис? – сказал Хан. – Я так понимаю, ты сейчас из Сойфера показания выжимаешь?
- Примерно, – сказал Беркович. – Правда, без толка.
- Если у него на одежде нет следов крови, то он не убийца, – продолжал Хан. – Женщина умерла не больше полутора часов назад. Удар был нанесен так, что убийца не мог не испачкаться. А если Сойфер находился в невменяемом состоянии, он не имел возможности так тщательно привести себя в порядок, что...
- Да, я понял, – прервал Хана Беркович. – Спасибо, я перезвоню через несколько минут. Он положил трубку и спросил у внимательно слушавшего разговор Сойфера:
- Вы говорите, что жена грозилась уйти от вас. Было к кому?
- К кому? – вспыхнул Сойфер. – Из-за этого мы чуть не каждый день дрались. Она путалась с одним... Яир Штайниц его зовут. Ужасный тип, ужасный, не понимаю, как она могла...
- Она не скрывала, что у нее есть любовник?
- Скрывала? Сара? И не думала! Я ее бил, а она смеялась и говорила, что уйдет к Яиру.
- Вы знаете, где он живет?
- Конечно, это рядом, нужно от дома вправо два квартала, там налево и сразу в подъезд, второй этаж...
- Беркович набрал номер сотового телефона Соломона и пересказал адрес, по которому можно было найти Яира Штайница.
- И поторопись, – сказал Беркович. – В ванной или в корзине для грязного белья ты можешь обнаружить кое-что любопытное.
- Что именно? – поинтересовался сержант.
- Сам подумай по дороге, – хмыкнул Беркович и положил трубку.
- Вы так и не сказали, старший сержант, сколько мне дадут за убийство, – пробормотал Сойфер.
- Вам? Так это еще нужно доказать, что вы убили жену. Собственное признание – не доказательство.
- Но я... – удивленно произнес Сойфер. – Мы подрались. Я был не в себе. Сара умерла.
- Она не задушена, – сообщил Беркович. – Ваша жена убита ударом ножа в грудь. Если ее убили вы, то куда дели нож и где переоделись?
- Берковичу показалось, что глаза Сойфера сейчас вылезут из орбит. Подбородок у бедняги затрясся, и прошло не меньше минуты прежде чем к нему вернулась способность говорить.
- Нож... – прохрипел Сойфер. – Я не...
- И неожиданно, будто только сейчас окончательно осознав произошедшее, он вскочил на ноги и закричал тонким голосом:
- Я не убивал! Я не убивал! Я не...
- В кабинет заглянул конвойный.

– Сядьте! – резко сказал Беркович Сойферу, и тот, как подкошенный, опустился на стул. – Я знаю, что вы не убивали. Сейчас вас отведут в камеру – ненадолго, надеюсь. Скоро все выяснится. Успокойтесь.

Соломон позвонил минут через десять после того, как Сойфера увели.

– Это Штайниц, – сообщил сержант. – Ты был прав, Борис: в баке я нашел майку – всю в крови. И на сандалиях Штайница тоже кровь, он не обратил внимания. Привезти негодяя к тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.